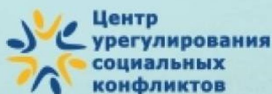

О.Б. Иванов

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОРОД

Монография

RU
science
RU-SCIENCE.COM

Олег Иванов

Власть, общество, город

<https://litres.ru/74687363>

SelfPub; 2026

Аннотация

В новой монографии политолога Олега Иванова «Власть, общество, город» рассматриваются различные проблемные ситуации в российском обществе последних лет — политические, экономические, градостроительные и культурные.

В понятной публицистической манере автор объясняет природу и структуру этих конфликтов, а также рассказывает о путях их решения. Монография состоит из публикаций, ранее изданных автором в различных печатных изданиях.

Издание адресовано аспирантам, бакалаврам и магистрантам, интересующимся политологией, социологией и городскими исследованиями.

Олег Иванов

Власть, общество, город БЮДЖЕТНОЕ МЕСТО

роман

Глава первая

Поезд

Поезд трогается в 22:17, и мама идёт вдоль вагона за моим окном, пока есть перрон. Она не машет рукой. Она держит ладонь на уровне моего плеча - так держат за руку ребёнка, который уже вырос, а привычка осталась. Потом перрон кончается, и её нет. Я стою в тамбуре и слушаю колёса. Если я сейчас заплачу, это ничего не изменит. Поэтому я не плачу.

Я поставил себе это правило ещё дома: не делать того, что ничего не меняет. С мамой правило не работает. Со мной, похоже, тоже.

У меня один рюкзак. Старый, серый, с молнией, которая закрывается в два приёма: до половины свободно, дальше с усилием. В нём все мои вещи на ближайшие месяцы. Мне семнадцать, и вся моя жизнь помещается в один рюкзак. Я ещё не решил, как к этому относиться.

Моё место - тридцать шесть, боковое, у самого туалета. Напротив — женщина с мальчиком лет пяти. Она разворачивает бутерброды с копченной колбасой, и запах доходит

до меня быстро, потому что я не ел с обеда. У меня в пакете жареная курица: мама пожарила её специально в поезд. И банка клубничного варенья, обёрнутая полотенцем и моими носками, чтобы не разбилась. «Клубника, твоя любимая», - сказала она. Моя любимая - вишня. Я не поправил её. В этом году вишни не было, но дело не в вишне.

Я сижу напротив женщины с бутербродами и думаю: если я достану курицу и начну грызть её в дороге, они будут коситься. Никто не скажет ни слова. Им не нужно говорить — я и сам всё скажу за них, внутри, быстрее их.

Поэтому я не ем. Я еду голодным в Москву. Меня зовут Мирослав Иванцов, мне семнадцать лет, я поступил на бюджетное место в престижный ВУЗ. Но мне стыдно есть жареную курицу. Я злюсь на себя.

Три тысячи рублей лежат в носовом платке. Мама сложила их треугольником и отдала мне на перроне, быстро, как передают что-то запрещённое. Мама работает в соцзащите: восемь часов в день она объясняет чужим людям, как прожить на пособие, и знает наизусть все выплаты и субсидии. «Это на первое время». Она не сказала, на сколько и сколько можно тратить в день. Мы оба посчитали, на сколько это может хватить. И оба не стали произносить вслух, что посчитали.

Куртка у меня тоже одна. Она лежит в рюкзаке, свёрнутая в трубу. Мама говорила: купи вторую. Я сказал: куплю в Москве. Мы оба знали, что я не куплю.

Отец простился со мной по видеосвязи за день до отъезда. Экран дрожал и рассыпался на квадраты, и его лицо то появлялось, то собиралось заново, будто он всё время немножко уезжал. Он сказал три вещи: «Ничего не бойся. Никого ни о чём не проси. И не лезь в долги». Потом начал говорить что-то ещё - и связь оборвалась на середине слова. Я не знаю, что он хотел сказать. Я думаю об этом оборванном слове до сих пор. Оно могло быть любым.

Переписка у нас с ним не частая. Он пишет, когда есть связь. А связь бывает не всегда. Год назад он ушел на СВО, сейчас воюет где-то в Судже.

Смотрю на свой смартфон. Трещина идёт через экран из угла в угол, старая, уже притёртая. Телефону уже пять лет, и мне иногда кажется, что он тоже уезжает учиться.

В Ртищево мы стоим двадцать минут. Я выхожу на перрон: ночь влажная, тёплая, пахнет шпалами и чужими сигаретами. У выхода курят двое парней моего возраста, громко смеются. Я встаю рядом, руки в карманах, и не курю. Мне семнадцать, я поступил на бюджет, и мне почему-то важно, чтобы они подумали, что я тоже умею курить, просто не хочу. Я стою и смотрю на свои кеды.

Отправляю: «Доехал до Ртищево. Всё нормально».

Это правда. Всё нормально: я еду, я поступил, у меня есть место, которое я занял сам, никого ни о чём не прося, как велено. Через двадцать минут телефон дрожит в руке: «Хорошо. Держись, мы с тобой».

Я перечитываю это поверх трещины. «Мы с тобой». За окном тёмное поле, за полем другая тьма, а он там — пишет мне двадцать слов в сутки, и все они про меня. Я должен ответить что-нибудь лёгкое. Нормальное. Как у людей.

Печатаю: «Мне страшно».

Смотрю на эти два слова дольше, чем нужно. Они маленькие и честные, и они целиком про меня, и они совсем не подходят для чата, где отец спит по три часа и пишет «держись». Один из нас двоих имеет право бояться вслух. Я решаю, что это он.

Стираю. Мессенджер сам сохраняет черновик, и я знаю: теперь «Мне страшно» лежит внутри телефона, под его именем, невидимое. Как будто стёртого нет. Как будто его не было.

Отправляю: «Ага». «Спокойной ночи» я не пишу — «спокойной ночи» звучит как прощание.

В вагоне темно, пахнет лапшой из стаканчиков, кто-то храпит на верхней полке. Я забираюсь на свою боковушку, разворачиваю платок, пересчитываю: три тысячи. Сворачиваю обратно треугольником, как мама. У неё углы сходятся, у меня — нет. Пробую ещё раз. Не сходятся. Ладно.

И тогда, в темноте, под стук колёс я ловлю себя на том, что репетирую. Беззвучно, в голове: «Мирослав. Из Саратова. На бюджет». Как будто я уже стою перед ними - перед всеми, кого ещё не видел. Как будто от того, как я это скажу, зависит что-то важное.

Мне не важно, что они подумают. Я не хочу им нравиться.

Я повторяю это про себя, как заклинание. Раз. Два. На третий раз я понимаю, что вру, и от собственной лжи мне становится так противно, что хочется разбудить весь вагон и сказать кому-нибудь правду. Не разбужу. Не скажу. Закрою глаза.

Курица лежит в пакете под полкой, и я думаю о ней, как о человеке, которого подвёл. Утром, в Москве, я съем её где-нибудь в углу, стоя, чтобы никто не видел.

За окном летит тёмная страна: поля, леса, одинокие огни. Позади - мама на пустом перроне. Впереди - список, где двадцать седьмой строкой сверху написано: «Иванцов Мирослав, бюджет». Я смотрел на эту строку месяц назад так долго, что учительница спросила, всё ли в порядке. Всё. В порядке

Колёса стучат ровно, как кто-то большой и равнодушный пересчитывает всё, что у меня есть. Три тысячи рублей в носовом платке. Одна куртка. Банка варенья не с той ягодой. Отец - «мы с тобой». Мама — с тремя тысячами. И я — бюджетное место.

Кажется, всё. Кажется, пока этого должно хватить.

Метро

Поезд вползает в Москву так же, как ночью выползал из Саратова, - не торопясь, медленно.... Я стою у выхода с рюкза-

заком и смотрю в окно.

На Павелецком вокзале я выхожу в людской поток и позволяю ему нести меня. Люди идут стеной, и я иду стеной. Я месяц готовился к Москве по видео: смотрел, как выходят с вокзалов, как переходят дороги, как держат рюкзак. Думал, труднее всего будет разговаривать. Труднее всего - не затормозить посреди зала. Кто тормозит, того сносят, и никто не оборачивается.

Курицу я съедаю прямо там, в зале ожиданий, за колонной, стоя, как и планировал ещё в поезде. Разрываю фольгу, грызу, обгладываю кости, складываю в пакет. В Саратове это была бы просто еда. Здесь мне кажется, что я делаю что-то не то, и я ем быстро, как вор. Никто не оборачивается. Может быть, дело не в Москве. Может быть, дело во мне. Курицу я доедаю до последнего куска, потому что не знаю, когда поем дальше. Это лучшая еда в моей жизни. Варенье уцелело: полотенце и носки сделали своё дело.

У входа в метро пахнет кофе - настоящим, из кофейного ларька. Четыреста рублей. Я стою и делю эти четыреста в голове на проезд и доширак, и деление складывается в приговор. Я не покупаю кофе. Не потому, что не хочу. Потому что не могу. Люди со стаканами проходят мимо, и между нами не километры - между нами эти самые четыреста рублей.

В кассе метро я разворачиваю носовой платок и отдаю через окошко триста рублей — на карту. Кассирша смотрит на платок ровным профессиональным лицом, и я благодарен ей

за это лицо. Десятая часть всего, что у меня есть, теперь живёт в на красивой карточке. Денег у меня мало, зато теперь у меня транспортная карта, я теперь такой же как все.

Эскалатор уходит вниз глубоко, как шахта. Я встаю справа, потому что все стоят справа. Правила этого города написаны на спинах тех, кто стоит. Я читаю.

Схема метро висит во всю стену, огромная, разноцветная, как карта чужой страны. Я фотографирую её. В моём смартфоне нет ни одного снимка Москвы, зато теперь будет схема метро. Трещина проходит через Кольцевую, и половина станции «Павелецкая» ложится на мутную полосу. Ладно. Комсомольскую я и так знаю: я на ней стою.

До Коньково - Кольцевая до Октябрьской, потом оранжевая ветка вниз. Я выучил это дома, в Саратове, за месяц до отъезда, и сейчас повторяю про себя, как стихи: «Павелецкая - Октябрьская - Коньково». Семнадцать лет, бюджетное место и съема метро наизусть.

Указателей здесь много: «Переход на Кольцевую линию», стрелка, коридор, лестница, снова коридор, снова стрелка. Я иду быстро и ровно, с лицом человека, который здесь живёт. Лицо - это всё, что у меня есть, и я ношу его, как рюкзак, не расставаясь.

Один раз я всё-таки промахиваюсь. Захожу в вагон - и уже на пороге вижу по табло, что поезд идёт не в ту сторону. Выскакиваю назад ровным движением, с невозмутимым лицом. Двери закрываются у меня за спиной. Никто не смотрит. Со-

всем никто. Поезд уезжает, толпа течёт мимо, и я стою в ней, как камень в реке: вода обтекает и не интересуется.

На Кольцевой вагон набит. Я держу рюкзак перед собой, как щит, и смотрю в схему над дверью. Люди не смотрят друг на друга – почти все смотрят в смартфоны. Я тоже смотрю в схему. В Москве удобно делать вид, что тебя нет: тут это делают все.

В тёмном окне напротив отражаюсь я: серая куртка, рюкзак на груди, лицо уставшего человека. Я смотрю на это лицо дольше, чем нужно, и ловлю себя на мысли, что завтра его увидят новые люди. Они решат по этому лицу, кто я такой. Я поправляю воротник.

Переход на Октябрьской долгий, с лестницами и поворотами. Я ни у кого не спрашиваю дорогу — «никого ни о чём не проси», правило номер два. Возле перехода стоит дежурная в оранжевом жилете, готовая помочь каждому. Я прохожу мимо неё на полметра дальше, чем нужно. Читаю указатели и делаю вид, что всё понимаю. Получается так себе, но стороны - вполне.

Оранжевая ветка идёт на юг. Шаболовская. Ленинский проспект. Академическая. Профсоюзная. Новые Черёмушки. Калужская. Беляево. Я не сплю. Я считаю каждую станцию, как деньги: боюсь пропустить свою остановку.

Коньково. Эскалатор выносит меня наверх, и Москва, которую я увидел, оказывается совсем не открыточная: де-вятиэтажки, ларёк с шаурмой, люди с азиатскими лицами.

Москва, которую я представлял, была открытка - башни, купола, огни. Четыре года я буду считать это Москвой. И это будет честнее открытки.

За всю дорогу от Павелецкого вокзала до Коньково - мне в глаза не посмотрел ни один человек. Я приехал, а город не заметил моего приезда. Никто не смотрит. В этом и суть: Москве до меня нет дела, пока я сам не напомню о себе.

Я достаю телефон и отправляю отцу: «Доехал до Коньково. Всё нормально». Маме напишу из общежития: ей важно, когда я буду на месте.

Надеваю рюкзак. У меня есть четыре года, триста рублей на карте и двадцать седьмая строка в списке. Я сам о себе напомню - сначала общежитию, потом университету, потом городу. В таком порядке.

Общежитие

Общежитие стоит во дворе за шиномонтажом: шестнадцать этажей серого бетона. Здание не новое, но вполне приличное. У вахты пахнет хлоркой и старыми матрасами. От матрасов хлорка не спасает.

Перед вахтой толпятся первокурсники с родителями. У всех большие разноцветные чемоданы на колёсах: папы несут, мамы командуют, бабушки страхуют. Я стою в очереди один, с рюкзаком. Никто не удивляется, и я не удивляюсь.

Комендант, которую зовут Валентина Ивановна, судя по

бейджику, сидит в стеклянной будке и берёт мой паспорт. Она сверяет фамилию с приказом о зачислении и говорит строго: «Первый курс? Правила на стене. Ключ потеряешь – заплатишь штраф. Бельё получишь внизу, душ на этаже, отбой в двадцать три». Ни о чём не спрашивает. Мне отчего-то легче: с ней не нужно ничего изображать.

Правила висят справа под стеклом: «ПРАВИЛА ВНУТРЕННЕГО РАСПОРЯДКА» - двенадцать пунктов. Я читаю все, до последнего, пока очередь шевелится за спиной. Мне спокойнее, когда правила написаны: правила можно выучить наизусть. У отца их три. Здесь двенадцать, нормальный набор.

Комната пятьсот четырнадцатая, пятый этаж. Два стола, два шкафа, две кровати, на полу линолеум, вытертый до основы. Сосед уже здесь: его половина - с полотенцем, книгами и пакетами; моя - пустая, кровать просто с матрасом, который многое помнит. Кровать у окна достаётся мне: сосед машет на неё рукой - «бери, я к двери привык».

Потом он спрашивает: «Откуда?» - «Из Саратова». Он кивает: «Нормально». И всё. Возвращается к своему полотенцу, как будто мы обсудили всё, что людям положено обсуждать в первый день.

Я жду продолжения. Подвоха нет. В поезде я репетировал: «Мирослав. Из Саратова. На бюджет», - готовился к прищуру, к шутке, к вопросу «и сколько ты набрал». Никто не спросил. Репетиция не понадобилась. Это первое «нормально» за

два дня, которое ничего от меня не хочет.

Рюкзак пустеет за пять минут: вся жизнь на ближайшие месяцы помещается в тумбочку, половину шкафа и два крючка. Телефон я кладу под матрас - так я услышу его ночью, если он завибрирует. Платок с деньгами сворачиваю треугольником, как мама, и прячу в носок - тот самый, который ещё утром держал банку. Это не смешно. Это привычка человека, которому некомфортно. Некомфортно - мне.

Банка варенья встаёт на подоконник - клубничная, не моя любимая. За окном - двор: качели, машин, девятиэтажка напротив, между ними тополя. Это будет моя Москва на четыре года.

Маме пишу: «Заселился. Всё хорошо». Она отвечает через минуту — у неё, в отличие от отца, связь всегда есть: «Ура!!! Очень рада!!! Обнимаю. Поешь нормально, не экономь на еде. Позвони мне, как сможешь». Три восклицательных знака — по-прежнему её подпись. Я знаю, что это значит: у неё пересохло в горле, и словами получается не всё. Я пишу: «Хорошо, мам». Слово «мам» я не стираю. Оно маленькое, и оно всегда подходит.

Вечером общежитие оживает по своему графику: из коридора слышны шаги, в кухне кто-то готовит, кто-то напротив учит вслух английский и путает времена. Сосед лежит в наушниках и смотрит в потолок. Я сижу на своей кровати и не знаю, куда деть себя. Дома я знал.

Пишу отцу: «Заселился. Всё хорошо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.